

Глава 14. Черные демоны ветра

Племя Тэмуджина и ставка Ван Хана находились далеко друг от друга; путь занимал целых семь дней. Хотя, если верить сюжету, неприятности сулило лишь завершение похода, Ваньянь Кан считал, что бдительность необходима. Доверять канону — одно, а беречь голову — совсем другое.

На третий день в лагере появился тот, кого Кан не ожидал увидеть так скоро — Фэн. Десятилетний подросток, отправленный на разведку, явно потерпел неудачу. Глядя на него, он невольно вздохнул.

— Значит, он тоже здесь?

Фэн лишь молча кивнул в ответ.

— И когда он понял, что ты водишь его за нос? — спросил Кан. Со способностями Фэна это не должно было случиться слишком быстро.

— Спустя месяц после вашего отъезда, молодой князь.

Ваньянь Кан нахмурился. С тех пор как его личность была раскрыта, Цю Чуцзи неотступно следовал за ним. Прошло почти три года, а даос и не думал уходить. Неужели у него нет других дел? И всё ради какого-то пари... Впрочем, он усмехнулся: это всё же проще, чем участь Семерых монстров Цзяннани, которые провели в пустыне восемнадцать лет ради того же самого спора. И если те искренне привязались к Го Цзину, став ему наставниками, то между ним и Цю Чуцзи...

Он покачал головой и ободряюще улынулся Фэну:

— Раз так, оставайся пока здесь.

Даос Цю, судя по всему, был уже близко, но Кану ещё предстояло закончить свои дела.

На шестой день пути Ваньянь Кан наконец увидел легендарного Джамуху. Глядя на то, как близки они с Тэмуджином, он лишь горько усмехнулся. Кто бы мог подумать, что в недалеком будущем Тэмуджин прикажет казнить своего побратима? Он посмотрел на Сангума, а затем мысли унеслись к Ван Хану. Предательство, возможно, зрело в них с самого начала. Тэмуджин никогда не был тем, кто довольствуется малым; он не желал оставаться лишь вождем кочевников, и даже просторы Монголии были ему тесны. Давнее спасение, дарованное Ван Ханом, обернулось тем, что старик пригрел змею на груди, погубив и себя, и свою семью.

Ваньянь Кан задумчиво посмотрел в бескрайнее небо. Теперь, когда он знает грядущее, останется ли оно неизменным?

Спрыгнув с коня, он подошел к Джамухе и вежливо сложил руки в приветствии:

— Наслышан о вашей мудрости и таланте полководца. Рад нашей встрече.

— Вы льстите мне, молодой князь, — ответил Джамуха, возвращая поклон.

— Ничуть.

Затем Кан повернулся к Сангуму. Несмотря на надменность последнего, тот знал, что к представителям Государства Цзинь нужно проявлять почтение.

— Приветствую, — произнес Кан с безупречной, но холодной учтивостью.

Тот ответил сдержанным поклоном:

— Молодой князь.

День прошел спокойно, но ночью Кан не сомкнул глаз. Он явственно ощущал чью-то ауру за пределами шатра. Сначала он подумал на Цю Чуцзи, но всё же решил проверить лично. Выйдя вместе с Фэном в дозор, он заметил мелькнувшую в тени фигуру. Догадка рассыпалась: даос не стал бы так нарочито скрываться, да и походка была иной. Кто бы это мог быть? Переглянувшись, они с Фэном бесшумно пустились в погоню.

Когда при свете луны Кан разглядел преследуемую тень, по его спине пробежал холодок. Лицо желтое, словно потемневшая медь, застывшее, лишённое малейших эмоций... Медный Труп. Чэнь Сюаньфэн. Кан немедленно подал знак Фэну возвращаться к отцу-вану, а сам, полагаясь на свою технику легкости, последовал за монстром в одиночку. Его мастерство перемещения, унаследованное от Лин Юэ, было безупречным: бесшумное и незримое, оно позволяло оставаться незамеченным даже для тех, чей уровень внутренней силы превосходил его собственный.

Увидев, как Чэнь Сюаньфэн в мгновение ока хватает нескольких монгольских дозорных, Кан мысленно вздохнул. Этим людям не выжить. Теперь они лишь живые мишени для практики «Когтей из белых костей Девяти Инь».

Он покачал головой. Даже если бы Демоны ветра не схватили этих воинов, те всё равно рано или поздно пали бы в одной из бесконечных войн Тэмуджина, успев перед смертью погубить немало невинных жизней. Стоит ли вмешиваться в чужую судьбу? Ему никогда не было свойственно сострадание к миру, и уж точно он не мнил себя спасителем. Да и хватило бы у него сил?

В его понимании деление на «добро» и «зло» существовало лишь в сказках для детей. Реальность — это столкновение интересов и точек зрения. В зависимости от того, на чьей ты

стороне, определяется и твоя правда. О нем самом в каноне сказано достаточно: «признавший врага отцом», «предатель учителей», «алчный до роскоши злодей». Даже смерть его была описана с особым пристрастием.

Улыбнувшись этим мыслям, Кан перестал преследовать Чэнь Сюаньфэна. Было ясно, что тот больше не тронет людей из его свиты, а участь монголов его не заботила. Он просто хотел выполнить свою задачу и вернуться в лагерь.

По пути к шатрам он внезапно остановился. Не оборачиваясь, он негромко произнес:

— Даос, вы, кажется, довольно долго за мной шли.

Цю Чуцзи вышел из тени, нахмурившись.

— Бедный даос никак не может тебя понять.

— Если бы меня было так легко понять, был бы я Ваньянь Каном? — Кан поднял взгляд к звездам.

На самом деле, даос, проблема не во мне, а в том, что ты никогда не пытался посмотреть на мир моими глазами.

— Ты всё еще не желаешь учиться у меня боевым искусствам? — спросил Цю Чуцзи.

— Я уверен в своем решении. Моя внутренняя сила в корне отличается от даосских техник, и попытка совместить их может привести к печальным последствиям, — Кан вежливо улыбнулся. — К тому же, у меня уже есть учителя, и я не могу предать их, став вашим учеником.

На самом деле он не давал клятв ни Лин Фэну, ни Лин Юэ — в последнее время они и вовсе вместе изучали тайные руководства, совершенствуясь плечом к плечу.

Цю Чуцзи лишь тяжело вздохнул. Три года назад он невольно ранил этого ребенка и из чувства вины не решался настаивать. Когда же время сгладило углы, он раз за разом наткнулся на вежливый, но твердый отказ. Он даже пытался действовать через госпожу Ян, но и это не помогло. Теперь же мальчик и вовсе отгородился тем, что уже постигает иную школу.

Ваньянь Кан больше не удостоил даоса взглядом. Разные мысли, разные цели — им не стоило сближаться с самого начала. Даже тому, кто умеет сопереживать, трудно найти общий язык с таким, как Цю Чуцзи. Это и называлось «идти разными путями».